

Обзоры и рецензии

К.Б. Харпвикен и Ш. Таджбахш. Меж огней. Афганистан – арена региональной небезопасности¹

Книга “A Rock Between Hard Places. Afghanistan as an Arena of Regional Insecurity”, название которой можно перевести на русский язык как «Меж огней. Афганистан – арена региональной небезопасности», написана известными специалистами Кристианом Берг Харпвикеном (Krisian Berg Harpviken) и Шарбану Таджбахш (Sharbanou Tadjbakhsh). Каждый из них уже более четверти века занимается изучением Афганистана. В основу настоящей книги легли несколько полевых исследований, проведенных авторами в Афганистане и соседних государствах в последние десять лет.

В академическом и экспертном сообществах широкое распространение получил подход, который ставит Афганистан в центр при рассмотрении региональных проблем. Такой афганоцентричный дискурс имеет как минимум три варианта. Во-первых, Афганистан рассматривают как эпицентр нестабильности и конфликтности для более широкого географического пространства². Эта зона нестабильности образовалась в результате деятельности экстремистских и криминальных групп, а также субъектов теневой экономики, которые в конце XX в. получили свободу действий в отсутствие дееспособного правительства на афганской территории и усилились до такой степени, что смогли проецировать свое влияние и экономические интересы на соседние государства. В таком варианте территория Афганистана – это центр, в смысле источник, региональных угроз безопасности, а также теневой экономической деятельности (прежде всего контрабанды наркотиков). Во-вторых, Афганистан рассматривают как объект соперничества региональных и/или глобальных держав. Предполагается, что ради геополитических и экономических интересов такие державы ведут на территории Афганистана борьбу между собой, пытаются распространить на эту страну свое влияние. В этом случае Афганистан – это центр, в смысле важный объект, регионального соперничества. В-третьих, Афганистан воспринимают как некий региональный «перекресток» для меридиональных и широтных транспортно-инфраструктурных коридоров³. Предполагается, что афганский транзитный хаб может иметь важное региональное значение и стать важнейшим элементом возрожденного «Шелкового пути».

При всей разнице обозначенных нарративов они имеют важную общую черту, рассматривая Афганистан как региональный центр, который за счет своей позитивной или негативной значимости привлекает внимание внешних игроков. Кульминацией такого афганоцентричного дискурса стало широкое использование, в том

¹ Harpviken K.B., Tadjbakhsh S. A Rock Between Hard Places. Afghanistan as an Arena of Regional Insecurity. L.: C. Hurst & Co, 2016.

² Rubin B.R., Armstrong A., Ntegeye G. Draft Discussion paper I: Conceptual overview of the origin, structure, and dynamics of regional Conflict Formations. N. Y.: Center on International Cooperation, New York University, 2001.

³ Starr S., Frederick C., Kuchins A. The Key to Success in Afghanistan. A Modern Silk Road Strategy // Silk Road Paper. May 2010.

числе на официальном политическом уровне правительствами и международными организациями, метафоры «Афганистан – Сердце Азии». Она заимствована из стихотворных строк Мухаммада Икбаля (1877–1938, поэт, философ и общественный деятель Британской Индии, считается духовным отцом Пакистана): когда Сердце болеет, то болеет и вся Азия, когда с Сердцем все в порядке, здорова и вся Азия⁴. Инициированный в 2010 г. «Стамбульский процесс» – механизм регионального сотрудничества по афганской проблематике – получил второе название «Процесс Сердце Азии».

Рецензируемая книга является отличным примером (не единичным, но редким в последние два десятилетия) критики афганоцентричного дискурса, вместо которого К. Харпвикен и Ш. Таджбахш обосновывают другой подход. Их центральный аргумент: Афганистан и соседние страны не формируют самостоятельный комплекс безопасности (авторы используют понятия, разработанные Б. Бузаном), но Афганистан является периферией сразу трех региональных комплексов безопасности – южноазиатского, центральноазиатского и ближневосточного. Основные акторы этих региональных комплексов безопасности рассматривают территорию Афганистана для целей и по причинам, связанным с их регионами, а не с самим Афганистаном. Авторы подробно рассматривают каждый из этих региональных комплексов и его афганское измерение.

Пакистан и Индия – основные субъекты южноазиатского комплекса безопасности. У обеих стран есть история и некоторая самостоятельная динамика взаимоотношений с афганским государством, особенно у Пакистана. Он опасается пуштунского национализма (пуштуны проживают по обе стороны афгано-пакистанской границы), в основе которого лежит идея собственного государства. Создание такого государства нарушит территориальную целостность Пакистана, что для него неприемлемо (с момента своего образования в 1948 г. и недолгого по историческим меркам существования Пакистан потерял в общей сложности около пятой части изначальной территории, поэтому вопрос территориальной целостности, важнейший для любой страны, для него имеет исключительное значение). С «пуштунским вопросом» связана также и проблема «линии Дюранда», которая стала границей Пакистана и Афганистана. Афганистан официально не признал эту линию, но фактически граница существует, что требует от Пакистана постоянных политических усилий для поддержания такого статус-кво. Тем не менее, несмотря на наличие таких важных вопросов, которые создают динамику двусторонних отношений Пакистана с Афганистаном, все-таки главные мотивы политики Пакистана на этом направлении уже несколько десятилетий связаны и являются производными от пакистано-индийских отношений, их противоречий и соперничества.

В 1980-е годы пакистанские военные разработали концепцию «стратегической глубины» (*strategicdepth*). Она имеет два измерения. С одной стороны, пакистанские

⁴ Полный текст этих стихотворных строк в английском переводе (оригинал – на персидском):
 Asia is a body of water and clay,
 Of which the Afghan nation forms the heart.
 The whole of Asia is corrupt,
 If the heart is corrupt,
 Its decline is the decline of Asia;
 Its rise is the rise of Asia,
 The body is free only as long as the heart is free,
 The heart dies with hatred but lives with faith.

военные заинтересованы в безопасности своих западных районов, примыкающих к Афганистану, и даже в доступе на афганскую территорию в случае крупного конфликта с Индией. Это необходимо, чтобы иметь возможность отводить и перегруппировывать силы на стратегической глубине, недоступной для постоянного поражения со стороны Индии. С другой стороны, Пакистан опасается, что Индия в случае приобретения влияния в Афганистане может не только лишиться Пакистан описанной выше возможности, но и создать непосредственную угрозу Пакистану с соседней афганской территории, вынудив его воевать на два фронта. Такие соображения мотивируют Пакистан и Индию не только бороться за политическое влияние в Афганистане открытыми политико-дипломатическими методами, но и вести на афганской территории так называемую *опосредованную войну* (проху war) с опорой на свои спецслужбы и местных агентов. Авторы отмечают, что «соперничество за влияние опирается на насилие руками местных вооруженных группировок, убийства агентов друга друга и террористические акты»⁵. Причем после того как Индия и Пакистан вступили в отношения ядерного сдерживания, которое повысило «порог войны» между ними, они активизировали опосредованную войну. Такой же феномен наблюдался в отношениях СССР и США, когда, достигнув ядерного паритета, они оказались в «ядерном тупике» и реализовывали свой потенциал соперничества в локальных и региональных конфликтах в третьих странах с минимальным риском эскалации таких конфликтов до прямого столкновения основных противников.

По-другому проявляет себя Афганистан как периферия центральноазиатского комплекса безопасности, который формируют пять республик Центральной Азии (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан), а также их региональные соседи и глобальные игроки. Здесь логика более сложная. Все государства Центральной Азии столкнулись, хотя и в разной степени, с ростом религиозной оппозиции, которая была связана с глобальными радикальными группами, в том числе базирующимися в Афганистане. Это сформировало восприятие Афганистана как территории, откуда исходит угроза. В то же время для всех стран региона, не имеющих легкого выхода к морям, чрезвычайно важно было обеспечить себе доступ к мировой транспортной инфраструктуре. Афганистан мог помочь в решении этой задачи. На первый взгляд ситуация выглядит так: страны Центральной Азии осознали негативный и позитивный потенциал Афганистана и на этой основе решали дилемму «сотрудничать или отгораживаться», пытаясь найти в ней приемлемый для себя баланс. Все это можно интерпретировать таким образом, что страны Центральной Азии имели общие с Афганистаном вопросы и вместе формировали единый комплекс безопасности. Однако на самом деле более важными для политики стран Центральной Азии были другие соображения. В 1990-е и особенно в 2000-е годы в регионе Центральной Азии имели место сразу несколько линий противоречий между странами региона (например, соперничество за региональное лидерство между Казахстаном и Узбекистаном, а также двусторонние противоречия между всеми парами государств в регионе), а также борьба за геополитическое и экономическое влияние между рядом региональных и глобальных игроков. Особенно напряженная линия соперничества – между Россией и США. Эти региональные сюжеты были для стран Центральной Азии приоритетными. Соответственно, и их взгляд на Афганистан менялся в зависимости от того, какие позиции занимала та или иная страна

⁵ Harpviken K.B., Tadjbakhsh S. A Rock Between Hard Places. Afghanistan as an Arena of Regional Insecurity. L.: C. Hurst & Co, 2016. P. 46.

в региональных раскладах. Другим словами, позиция государств Центральной Азии по Афганистану менялась в зависимости от того, на кого они ориентировались во внутрирегиональных центральноазиатских сюжетах. При сближении с Москвой позиция менялась в одну сторону, при сближении с Вашингтоном – в другую. Как правило, Москва в большей степени обращала внимание на угрозы из Афганистана, а Вашингтон – на потенциальные выгоды экономических и инфраструктурных проектов через его территорию. Это опять же позволяет К. Харпвикену и Ш. Таджбахш утверждать, что позиции стран Центральной Азии по Афганистану были и остаются производными от их решений по центральноазиатским вопросам, а значит Афганистан – это именно периферия, а не часть центральноазиатского комплекса безопасности.

Иран и Саудовская Аравия вовлечены в сложное и многоуровневое противостояние в регионе Персидского залива, которое имеет политические, идеологические и экономические измерения. Это противостояние является одним из главных сюжетов в ближневосточном комплексе безопасности. Авторы признают, что Иран, имеющий протяженную границу с Афганистаном и традиционные исторические связи с западными районами афганского государства, отчасти руководствуется связанными с этим соображениями. Однако такие интересы Ирана в Афганистане К. Харпвикен и Ш. Таджбахш считают ограниченными. Также и Саудовская Аравия, как страна, претендующая на моральное лидерство в исламском сообществе, имеет интересы во всех мусульманских странах, в том числе и в Афганистане. Однако более важные мотивы для политики Ирана и Саудовской Аравии связаны именно с их соперничеством. Саудовская Аравия заинтересована в наличии дружественных групп и фракций в Афганистане, а также в росте влияния там внешних игроков, прежде всего США, которые могут с афганской территории создавать угрозу для Ирана. Иран же, опасаясь действий своих противников на афганской территории, старается их сдерживать, для чего поддерживает дружественные себе группы в Афганистане. Эта модель переноса соперничества на афганскую территорию похожа на ту, что работает для Индии и Пакистана. Однако конкуренция Ирана и Саудовской Аравии в Афганистане уступает по интенсивности пакистано-индийскому противостоянию. Иран и Саудовская Аравия имеют клиентов среди афганских вооруженных группировок, но пока их противостояние в основном осуществляется средствами «мягкой силы». Они строят мечети и культурные центры, распространяют пропагандистские материалы, оказывают гуманитарную помощь, подкупают чиновников и т.д. Впрочем, К. Харпвикен и Ш. Таджбахш полагают, что есть вероятность интенсификации противостояния Ирана и Саудовской Аравии, в том числе роста его силовой составляющей.

Рассмотрев эти три региональных кейса, авторы приходят к единственно возможному в рамках предложенного ими подходу выводу, а именно: «Афганистан помимо своей воли стал местом конфликтов и соперничества, корни которых находятся в других регионах»⁶. При таком подходе афганский кризис не может быть урегулирован за счет сотрудничества региональных и глобальных игроков на территории Афганистана. Для его урегулирования обязательным является разрешение региональных противоречий в каждом из трех обозначенных комплексов безопасности, по отношению к которым афганский кризис является периферией и производным.

⁶ Harpviken K.B., Tadjbakhsh S. A Rock Between Hard Places. Afghanistan as an Arena of Regional Insecurity. L.: C. Hurst & Co, 2016. P. 156.

Изложенный К. Харпвикеном и Ш. Таджбахш подход не является абсолютно новым. Иногда его элементы появлялись в политических дискуссиях. Например, весной 2008 г., в первые месяцы работы администрации Б. Обамы, широко распространенной в экспертной и политической среде была фраза «ключ к афганскому урегулированию находится в Кашмире». Впрочем, афганоцентричный дискурс в каком-то из его описанных выше вариантов неизменно превалировал в последние десятилетия; приняла его в конечном счете и администрация Б. Обамы. Ценность рецензируемой книги не в абсолютной новизне подхода, а в исключительно подробном критическом разборе афганоцентризма и обосновании альтернативного дискурса.

Впрочем, есть у книги недостаток, который, правда, можно считать и достоинством. В аналитическую конструкцию К. Харпвикена и Ш. Таджбахш закрались два логических противоречия, которые не позволяют просто принять авторский подход, а подталкивают к дополнительным размышлениям.

Доказательство того, что Афганистан является периферией других комплексов безопасности и конфликт на его территории – их продолжение, может быть абсорбировано одним из вариантов афганоцентричного дискурса и даже усилить его. Афганистан можно представлять не только как самоценный объект конкуренции, но и как жертву соседних конфликтов. Таким образом, предлагаемая авторами альтернатива афганоцентричности может парадоксальным образом усилить один из ее вариантов.

Но интереснее другое противоречие. В книге справедливо отмечается, что исторически возникновение Афганистана было следствием желания России и Британии избежать непосредственного соприкосновения их зон влияния в районе Памира. Афганистан исправно исполнял роль буфера вплоть до конца 1970-х годов, когда он стал территорией соперничества великих держав. Авторы склоняются к мысли, что Афганистан стал периферией других комплексов безопасности тогда, когда он из буфера превратился в арену противостояния великих держав. СССР и США привлекли своих региональных союзников к соперничеству на афганской территории, и те привнесли свои региональные противоречия в конфликт великих держав. Когда в начале 1990-х годов великие державы «забыли» об Афганистане, региональные державы продолжили там свое соперничество. Причем в отсутствие великих держав повестка дня их региональных комплексов безопасности стала еще сильнее. С последним наблюдением трудно не согласиться. Однако более общий тезис, что повестка дня из соседних регионов стала проникать в Афганистан тогда, когда он из буфера превратился в арену соперничества, не так однозначен, как может показаться на первый взгляд. Понятно, что функция буферной территории состоит в том, чтобы развести зоны влияния сильных игроков и минимизировать тем самым риск их прямого столкновения. Однако представляется, что буфер при этом не является «стерильной зоной», которая изолирована от соседей и не испытывает с их стороны никакого влияния. В буфере соперничающие великие державы заинтересованы в поддержании определенных правил игры, что ограничивает региональных игроков.

В заключение хотелось бы отметить главную дилемму для современного Афганистана, которую очень хорошо описывают авторы. Афганские власти пытаются дать стране импульс социально-экономического развития и справедливо полагают, что это возможно только при поддержке внешних игроков, региональных и глобальных. Особенно транспортно-логистические и инфраструктурные проекты требуют международного сотрудничества и вовлечения различных акторов. Но такая открытость для внешних игроков одновременно открывает Афганистан и для соперничества между

ними. Остается совершенно непонятным, как сделать Афганистан одновременно и «геоэкономическим перекрестком», используемым соседними регионами для связи между собой, и «геополитическим буфером» (или нейтральной зоной), на территорию которого соседи не переносят свои противоречия. Пока ценность Афганистана как «геоэкономического перекрестка» признается только на бумаге – в дипломатических документах и речах. На практике же региональные державы ведут несколько параллельных «опосредованных войн» на афганской территории, а также с использованием местных полевых командиров.

И.А. Сафранчук,

к.полит.н., доцент кафедры мировых политических процессов факультета политологии МГИМО (У) МИД РФ;

доцент факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ;

E-mail: latuk.info@gmail.com